

ЭЛЬХО

Взбесившийся холодный ветер носился по открытой со всех сторон тундре, неся с собой жесткие крупинки снега и поднимая к темному небу то там, то тут ревущие вихревые столбы. Люди, пригнувшись к земле, едва передвигались по глубокому снегу, шли сквозь мглу, застревая в рыхлых заносах. Они спешили домой и с каждым шагом чувствовали прилив новых сил, потому что каждый шаг приближал их к дому. Несмотря на большую усталость, увереннее шагал и маленький Эльхо, который, как и взрослые пастухи-оленоводы, как и его дед, хорошо знал, что скоро, очень скоро будет чум.

Последние несколько метров, когда одинокого жилища еще не было видно из-за густой снежной тьмы, но уже хорошо слышался прерывистый лай сторожевой собаки, эти последние метры люди бежали бегом. Они вваливались в чум, едва переводя дыхание, и сразу же попадали в счастливые объятия пахучего дыма, идущего от трескучего костра. Искры от него летели под самый купол островерхого дома, сооруженного, а вернее сказать, сшитого из оленьей шкуры.

Так было во все времена в тундре, когда после подобного светопредставления замерзшие, измученные люди входили в чум и самый младший спрашивал самого старшего:

— Скажи, папилька, а что было раньше, когда на свете не было чума?

Именно такой вопрос задал своему деду маленький Эльхо, который только через год собирался пойти в школу.

Папилька, то есть дедушка, сначала растерялся, потом даже как-то заволновался. Он сбросил с себя кухлянку и малахай, поднес руки к костру и задумался. Он уже забыл, что когда-то — это было давным-давно — сам так же, как сейчас внук, вошел с мороза в теплый чум, и до того радостно было на душе, что невольно спросил у своего деда, а как же раньше люди жили без чума. И если он забыл об этом, то, значит, забыл и о том, что ему тогда ответил дед. Именно поэтому и замешкался ста-

рик. В самом деле, а что было раньше, когда не было чума? «А разве такое было?» — мелькнуло у старика в голове, и он скороговоркой ответил внуку:

— А на свете всегда был чум, Эльхо.

— Ну а совсем-совсем раньше? — не унимался мальчик.

— И совсем-совсем раньше был чум. Человеку нельзя без чума, как оленю без тундры.

В ту ночь хорошо слышно, как за тонкой стенкой чума яростно воет пурга. Трудно было определить, откуда дул ветер, потому что натягивалась, как барабан, то одна сторона чума, то другая. Маленький Эльхо, его дед и два молодых пастуха легли спать ногами к костру в своих кукулях — спальных мешках, сшитых из оленьей шкуры, шерстью вовнутрь. Говорят, во время сильной пурги все обитатели тундры видят один и тот же сон — снежные вихри. Это происходит оттого, что, как бы ты глубоко ни залезал головой в кукуль, все равно слышишь порывистый рев метели. И поэтому если вдруг пурга прекратится, то все: люди и звери — просыпаются одновременно. Просыпаются от тишины.

На этот раз было как всегда: пурга среди ночи неожиданно стихла, и чум проснулся. Открыл свои глаза и маленький Эльхо. Он молчал и ждал, что скажет дед.

Высунув голову из согретого за ночь кукуля, Эльхо пристально всматривался в темноту, словно хотел увидеть морщинистое доброе лицо папильки.

— День предстоит нам тяжелый, — сказал старик, медленно вылезая из кукуля и выплевывая оленьи волосы, прилипшие к губам.

— Что случилось? — спросил один из пастухов.

— Разве не чувствуете, как тепло? Всю ночь дул южный ветер, и циклон принес с собой теплый воздух.

— А разве плохо, когда теплый воздух? — вмешался в разговор взрослых Эльхо.

— Плохо, Эльхо. Очень плохо. Когда посреди зимы идет тепло, значит, оно принесет с собой дождь. И олени погибнут.

— Почему погибнут?

— Потому что после дождя ударят морозы и вся тундра покроется ледяным панцирем.

В чуме наступила тишина. Было только слышно, как в темноте одеваются люди, как они сворачивают свои кукули. Эльхо хорошо понимал тревогу деда. Ведь олени питаются только ягелем. Своими копытами они раскапывают снег, чтобы доб-

раться до самой земли, где круглый год лежит зеленый сочный ягель. Эльхо однажды даже сам пробовал крохотные листья ягеля. Они были немного горьковатыми, но все равно показались вкусными. Эльхо часто ловил себя на мысли, что очень любит эту стелющуюся по всей тундре траву, потому что без нее олени и дня не могут прожить.

Старик оказался прав. К утру на тундру обрушился колючий дождь со снегом. Казалось, небо связало себя с землей длинным потоком воды, по которому сползают вниз стремительные белые хлопья снега. Оленеводы знают, что в таких случаях, чтобы спасти оленей, надо погнать все стадо наверх, в горы, где зимой никогда не бывает дождя.

В чуме остался только маленький Эльхо, пушистая рыжая собака и два молодых оленя, которым накануне старик отпилил рога, готовя их к ездовой жизни. Они были одинакового роста, но разные по расцветке — один черный с большим белым пятном на спине, другой белый с черным пятном и тоже на спине.

Перед тем как отправиться в дорогу, старик сказал Эльхо, чтобы тот все время следил за костром и не жалел кедрача, который был нарублен и сложен рядом с чумом. Старик всегда говорил, что в тундре самое главное — тепло. Больше ни о чем дед не напоминал внуку. Он знал, что Эльхо все умеет делать: и чай заварить, и оленье мясо приготовить. Это ведь совсем нетрудно. В черную-пречерную от копоти кастрюлю надо набрать снегу и повесить ее на крючке над самым костром. Потом по мере того, как он будет таять, надо подбрасывать снегу еще. До тех пор пока вода не дойдет до середины. После этого можно смело бросить в кастрюлю заранее нарубленные куски замерзшего оленьего мяса. Вот и все. Больше ничего не надо делать. Даже солить не нужно. Потому что дед густо солил мясо, когда еще разделывал его. Пройдет час-другой, и тогда можно длинной заостренной проволокой достать кусочек и попробовать.

К вечеру дождь прекратился. Эльхо вышел из чума, чтобы принести охалку кедрача, и увидел, что все вокруг уже покрыто льдом. Он вспомнил папильку, который еще ночью, еще до того, как начал лить дождь, уже знал, что случится. И Эльхо еще раз с удовольствием подумал, что его папилька знает все на свете. И если бы стадо не погнало в горы, то все олени погибли бы. А сейчас они спасены. Спасены благодаря папильке. И Эльхо так захотелось в это время быть рядом с дедом! Но нельзя. Вернувшись в чум, он поел горячей оленины, выпил

кружку сладкого чая, собрал с ящика, заменявшего в чуме стол, недоеденные куски мяса и бросил собаке. Сложив целую горку кедрача возле себя, Эльхо лег в кукуль и заснул.

Спал он чутко. В чуме было слышно лишь мерное посапывание собаки, разлегшейся у самого выхода, да частое потрескивание костра. И поэтому Эльхо видел во сне собаку и костер. Несколько раз он просыпался, чтобы подложить дров, говорил полупешотом два-три слова собаке и снова засыпал. После полуночи он стал просыпаться все чаще и чаще. Больше всего Эльхо боялся, что погаснет костер. Правда, ничего страшного в этом не было бы. В чуме есть спички, и он умеет разжигать костер. Но раз дед просил, чтобы огонь не потух, значит, надо, чтобы огонь не потух.

Рано утром Эльхо надел на голову пестрый малахай, натянул на ноги торбаса и вышел на улицу. Он сощурил свои и без того узкие глазенки, их совсем не стало видно на лице. Тундра была залита ярким оранжевым светом. Зимой, особенно по утрам, на Севере в ясный день солнце бывает оранжевым. Немного приглядишься, и уже ничуть не больно смотреть на солнце. По обеим сторонам его стоят прямые радуги. Коряки называют их «дети мороза» потому, что если рядом с дневным светилом появляются прямые, как стрелы, радуги, значит, в тундре будет очень холодно. И на самом деле, через некоторое время Эльхо почувствовал, как мороз жжет его лицо. Он решил было вернуться в чум, но увидел невдалеке двух оленей с отпиленными рогами и остановился. Олени били копытами по стеклянному снегу. После удара во все стороны разлетались кусочки льда. У Эльхо сжалось сердце. Ему было больно смотреть, как голодные олени тщетно пытаются достать ягель изпод затвердевшего снега. «Они же могут умереть», — подумал мальчик. Он юркнул в чум и вскоре вернулся оттуда, одетый в пышную кухлянку и с лопатой в руках.

Олени бросились в разные стороны, когда Эльхо подошел к ним. Он начал яростно долбить лед лопатой. Олени стояли в стороне. Он вспомнил, как папилька не раз говорил, что олени никогда не дают ласкать себя. Как бы ты их ни приручил, все равно, если ты к ним подходишь, они шарахаются в сторону. Вот и сейчас Эльхо пришел к ним, чтобы помочь, а они от него убегают, как от волка.

Вскоре он вырыл большую яму, на дне которой показался зеленый ягель. Стало веселее на душе. И еще Эльхо чувствовал себя олененком, которому впервые довелось самостоятельно

докопаться до заветной пищи. Мальчик выкарабкался из ямы и, отойдя чуть в сторону, начал рыть другую. Он долбил снег лопатой и смотрел из-под надвинутого на лоб малахая, как олени, один черный с белым пятном на спине, другой, наоборот, белый с черным пятном, пугливо приближаются к вырытой яме, осторожно перешагивая через ледяные булыжники.

Эльхо рыл, не позволяя себе хоть немного отдохнуть. Ему мешали варежки, сшитые из грубого меха. Они мокли от пота и деревенели от мороза. Мальчик снял их и бросил на снег. Теперь ему удобнее было держать в руках лопату. Правда, вначале пальцы немного мерзли, но потом он их перестал чувствовать. Олени словно ожили на глазах. Они весело прыгали от одной ямы к другой. Эльхо встал на бугорок, выпрямился, посмотрел на свою работу и удивился. Просто трудно поверить, что это он, Эльхо, один разворотил такое огромное белое поле. Иногда олени проходили мимо мальчика довольно близко и смотрели на него большими влажными ласковыми глазами. Они даже как будто улыбались. Ему казалось, олени хотят сказать: «Спасибо тебе, Эльхо. Ты настоящий аппа». И он гордился этим, потому что аппа — это вожак табуна. От аппы зависит жизнь всех оленей.

Ночью Эльхо не мог уснуть. У него болели руки. Пальцы опухли, и невозможно было ими пошевелить. Они его не слушались. Эльхо вспомнил, что пастухи всегда растирали замерзшие руки снегом, и последовал их примеру. Но боль от этого не уменьшилась. Тогда он решил подержать руки над костром. Лицо, особенно нос и щеки, ощутило приятное тепло, в то время как пальцы болели так сильно, словно кто-то зажал их между камнями.

Ночь была тихая. Непривычно тихая. Редко так бывает, что бы стены чума хотя бы слегка не гудели от ветра. А тут слышно, как бьется сердце в груди. Каждый шаг оленей по жесткому снегу отдавался эхом в чуме. Тихая звездная ночь зимой, как и яркое солнце на безоблачном небе, таит в себе трескучие морозы. Эльхо боялся мороза. Он не знал в то время, что чем сильнее мороз, тем лучше для оленей. Промерзший снег постепенно крошится, становится хрупким, и оленям легче бывает добраться до земли, до ягеля. Но это произойдет потом. Позднее. А пока еще стадо должно находиться высоко в горах. И Эльхо должен терпеливо ждать возвращения папильки. И не только ждать. Он обязан спасти двух оленей, которым папилька отпилил рога.

Утром следующего дня Эльхо вышел из темного чума и испугался, глядя на свои руки. Они были белые, белые, совсем как свежесвыпавший снег. Он с трудом натянул на них варежки, без которых уже не мог находиться и минуты на воздухе, и вновь принялся за работу. Понимал, что иначе нельзя. Олени тщетно заглядывают во вчерашние ямы, но, убедившись, что ягеля в них нет, бродят кругом, надеясь найти его в другом месте. Постепенно Эльхо отходил все дальше от чума, и везде за ним, словно привязанная, следовала рыжая лайка.

Лед долбить становилось все легче и легче. Эльхо догадался, что мороз, который после дождя покрыл тундру ледяным панцирем, спасал теперь тундру. И ему было радостно, что сам додумался до этой истины. Сам, без помощи папильки.

Только на шестые сутки вернулись пастухи, оставив еще на несколько дней стадо в горах. Вначале они даже подумали, что заблудились, что это не их чум, — раньше вокруг была ровная тундра, а теперь бесконечные ямы. Но когда им навстречу выбежал маленький Эльхо, все сомнения рассеялись. Старик прижал к своей груди внука и вдруг увидел, как по щекам мальчика текут слезы, которые тут же превращались в ледяные бусинки.

— Что с тобой, Эльхо? Разве ты не знаешь, что мужчины в тундре никогда не плачут? Даже когда умирает самый близкий человек, все равно не плачут. Такой закон. В тундре разрешается плакать только маленьким детям, и то потому, что они еще не умеют разговаривать.

— Ты меня прости, папилька, — сказал Эльхо, всхлипнув, — я больше не буду. Я просто соскучился по тебе. — И он крепко обнял деда.

Только сейчас старик заметил, какие белые пальцы у внука. Он стал крепко растирать руки Эльхо. Старик не спросил, почему пальцы у мальчика одеревенели, почему они такие белые и распухшие. Сейчас не это было важно. Он знал одно: руки надо спасать, пока они еще не почернели и не омертвели. В старину в таких случаях шаман отрезал руки или ноги пареньским ножом, зашивал рану оленьей жилой и засыпал ее горячей золой. Но после этого люди часто умирали. А теперь, благо, есть доктора. Своими почерневшими, потрескавшимися и шершавыми ладонями старик без усталости растирал руки внука и, видя, как тот морщится от боли, все причитал:

— Ты потерпи, внучек. Я понимаю, больно. Очень больно. Но ты потерпи. Ты же мужчина, Эльхо.

— Ты прости меня, папилька. Я не должен был плакать. Я не хотел. Просто я сильно соскучился по тебе.

— Я понимаю, Эльхо. Я тоже по тебе соскучился. Ты потерпи.

Всякий раз, когда на востоке рождается солнце, идет, ползет, прижавшись к земле, хиус — поземка в тундре, низовой ветер. Солнце поднимается из-за горизонта рывками, трепеща, как рыба, попавшая в сеть. И чем выше поднимается оранжевый шар, тем оранжевее становится все вокруг. И морознее. И сильнее дует хиус, неся с собой искрящуюся в первых лучах солнца оранжевую снежную пыль.

Старик вышел из теплого чума и тут же опустил голову, пряча лицо от колючих пылинок хиуса. Немалых трудов ему стоило поймать обоих оленей с отпиленными рогами, чтобы запрячь их. Олени брыкались, рвались из крепких объятий кожаных ремней. Они впервые в жизни оказались в неволе и никак не хотели мириться с тем, что у них отнимают свободу. Несколько раз хотели было резко рвануться с места, но острая, режущая боль от тугих и жестких ремней укрощала их пыл. Совсем они успокоились лишь тогда, когда пастухи, провожающие старика, стали укладывать на аргизе маленького Эльхо с руками, обмотанными шкурами росомахи. Старик удивился, заметив, как неожиданно притихли олени, то и дело поглядывающие на мальчика ласковыми глазами.

Олени тащили аргизу так резво, словно всю жизнь находились в упряжке. Они бодро и стремительно неслись по кочковатой тундре, с шумом выпуская изо рта горячий дух. Только на крутых перевалах старик сходил с аргизы, чтобы, взявшись за стоячий баран, помочь упряжке. Но на спуске и на ровных местах старику не нужно было подгонять оленей. Они словно понимали, что от них сейчас зависит жизнь мальчика. Наверное, чувствовали, что в такую рань старик напрасно не будет возить по морозной тундре маленького человека с перевязанными руками. Старик удивлялся. Ведь он еще не успел их приучить к ездовой жизни. Обычно приходится долго возиться, пока олени привыкнут к упряжке. Но и привыкнув, они до конца своих дней не хотят мириться с неволей. А тут такой резвый отработанный бег.

К полудню упряжка добралась до районного центра и остановилась у деревянных ворот больницы. Старик хотел было взять внука на руки, но Эльхо отказался:

— У меня же не ноги болят, папилька.

— Я почему-то об этом не подумал, Эльхо. Думаю, больной и есть больной.

— Я не больной. У меня только руки болят.

Молодой врач, осмотревший Эльхо, тоже сказал, что мальчик совершенно здоров, но вот руки здесь лечить невозможно. Придется отправить Эльхо в город. На самолете. Другой дороги нет. Только по воздуху. И в тот же день Эльхо отправили в город. Дед хотел поехать с внуком, но ему не позволили. Нельзя. Врач сказал, что в городской больнице уход за мальчиком будет не хуже, чем у папильки в чуме.

...Долго думали и советовались врачи, пока решили, как начать лечить обмороженные руки Эльхо. Кожа слезала с обеих кистей, как тонкая перчатка. И страшно и больно было смотреть на пальцы, которые теперь мало походили на пальцы. Они были толстые, в розовых и желтых пятнах и все время мокли, покрываясь пузырьками и капельками. На консультацию пригласили главного специалиста по лечению обмороженных доктора Ростомяна, которого на Камчатке шутя звали Пушкиным, потому что имя и отчество у него были Александр Сергеевич. Доктор Ростомян сказал, что положение очень тяжелое, но все же надо постараться спасти руки Эльхо. Сделать все возможное.

Вскоре все в больнице хорошо знали маленького корякского мальчика с перевязанными руками. Больные приходили и уходили, а он оставался. Два раза ему делали пересадку кожи. Операция была очень болезненная, и Александр Сергеевич заранее предупреждал об этом мальчика. Он сказал, что если Эльхо хорошо перенесет операцию, если постарается не обращать внимания на боль, то руки скоро заживут.

Так и получилось, как сказал доктор. Через два месяца во время очередной перевязки Эльхо сам увидел, что на руках приживается новая кожа. И он очень обрадовался и за себя и за папильку. Эльхо часто вспоминал папильку. Видел его во сне. Из окна больницы Эльхо любил смотреть на улицу, по которой бегали машины, и все удивлялся, что нигде не видно ни одного оленя. «Разве можно жить без олешек?»

Уже давно кончилась зима, началось лето (на Камчатке сразу после зимы наступает лето, на смену которому, минуя осень, приходит снова зима), а Эльхо все еще находился в больнице. Конечно, для того, чтобы делать перевязки, не обязательно лежать в палате. Но в городе у Эльхо никого не было, и его вынуждены были держать в больнице. Когда ему сказали, что че-

рез неделю навсегда снимут повязки, он очень обрадовался. Думал, что скоро уедет в тундру, к папильке. Хоть немного бы побыть с дедом. Ведь с первого сентября Эльхо отдадут в школу, а это значит, с папилькой он будет встречаться только во время каникул.

Но доктор Ростомян разочаровал Эльхо. Он сказал, что пока нельзя ехать домой, — ведь пальцы совсем как деревянные. Они нисколько не двигаются, не гнутся. Нужно лечить их. И лечить долго. Вот тогда-то Александр Сергеевич и решил забрать маленького Эльхо к себе домой. Они каждый день вместе ездили в больницу. Доктор надевал белый халат и лечил больных, а Эльхо ходил в кабинет лечебной физкультуры, где ему показывали специальные упражнения, заставляли двигать пальцами, массировали, грели какими-то токами. То же самое по вечерам они проделывали дома с доктором Ростомяном.

Когда однажды после нескольких мучительных попыток Эльхо пальцами взял со стола небольшой резиновый мячик, Александр Сергеевич так вскрикнул, что мальчик испугался. Потом оба весело и звонко хохотали. Александр Сергеевич подхватил Эльхо на руки, все еще смеясь, прижал к себе, и оба они упали на кровать. Это был самый счастливый их день.

Таких праздников у Александра Сергеевича и маленького Эльхо позже случалось немало. Запомнился им еще один, тоже веселый и шумный случай. Кончики всех пяти пальцев Эльхо свел вместе и держал так целую минуту. Сначала на одной руке, потом на другой. Конечно, пальцы не были такими, как прежде. Они слушались с трудом. Сгибались плохо, в кулак не собирались. Но все же это были пальцы. Его пальцы. Он мог ими работать. Александр Сергеевич научил Эльхо держать в руке карандаш — это тоже называлось упражнением. И научил писать буквы. Мальчик даже самостоятельно выводил на бумаге свое имя «Эльхо». Правда, буквы выходили неровными, корявыми, но ведь он еще не ходил в школу.

В середине августа в городе выпал первый снег, хотя на севере полуострова, в тундре, люди уже давно ходили на лыжах. Доктор Ростомян сам решил везти мальчика домой. Он торопился, чтобы Эльхо успел до начала занятий в школе немного побыть с папилькой. В прошлый раз, когда мальчик летел в город, он ничего не видел в иллюминаторе, потому что было темно. Но сейчас, сидя у окошка, Эльхо увидел, как синее небо где-то далеко-далеко сходится с белой землей. Первый раз в жизни с такой высоты он смотрел на тундру, которая казалась

ему еще безграничнее и еще ровнее, чем когда он смотрел на нее, находясь на земле. Вдруг Эльхо засуетился. Он толкнул локтем сидящего рядом Александра Сергеевича и, не скрывая возбуждения, закричал:

— Олени! Это наши олени! Вот они! Смотрите.

Александр Сергеевич чуть привстал и через голову мальчика посмотрел в иллюминатор.

— Ух ты, как много их...

— Это олени моего папильки. Он бригадир.

— Скоро ты увидишься с ним.

— А папильки не видно, — сказал Эльхо, не поворачивая головы, и не было понятно: спрашивает он или утверждает.

— Твоего папильки сейчас там нет. Он давно уже ждет нас в аэропорту.

Самолет приземлился на открытом ровном белом поле. Он еще долго катился почти беззвучно по инерции. Затем с мощным ревом сделал разворот и медленно подошел к деревянному домику с вышкой на крыше. Эльхо выглянул на улицу и сразу же закрыл лицо рукой — столько было света кругом. Спустился по трапу, сделал несколько шагов — и замер. Прямо перед собой метрах в десяти-пятнадцати он увидел деда, стоявшего рядом с оленьей упряжкой. Два оленя: один белый с черным пятном на спине, другой, наоборот, черный с белым пятном. Эльхо заметил, что у деда в руках были росомашьи шкуры.

— Папилька! — закричал мальчик и бросился к старику.

Но, не сделав и двух шагов, остановился. Навстречу ему побежали олени. А дедушка продолжал стоять на месте: наверное, очень волновался. Олени остановились возле мальчика. И позволили ему погладить себя. И Эльхо гладил полусогнутыми пальцами то по черной мягкой шее, то по белой.

Доктор Ростомян стоял чуть поодаль и хорошо видел, как старик то прикрывает, то широко раскрывает свои темные раскосые глаза, тщетно стараясь сдержать слезы, и украдкой вытирает щеки. Нельзя, чтобы Эльхо увидел слезы на глазах у папильки.

Ведь мужчины в тундре никогда не плачут. Такой закон.